

«Мир литераторов» в прозе З.Н. Гиппиус и ее авторские стратегии на рубеже веков

© 2021, Ю.А. Рыкунина

Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается период становления З.Н. Гиппиус как прозаика. В 1890-е гг. ее положение в литературе было двойственным: она печаталась в «толстых» журналах, дружила с литераторами старшего поколения и вместе с тем ассоциировалась с декадентством и новыми течениями в литературе. Гиппиус важно было заручиться поддержкой солидных литераторов, и в то же время она критиковала с модернистских позиций их устаревшие позитивистские установки. Печаталась она и в тонких иллюстрированных журналах (для семьи Гиппиус–Мережковского немаловажен был в те годы и финансовый аспект). Все это нашло отражение в письмах Гиппиус, а также в текстах рассказов и повестей, в которых она представила различные писательские типы, выразив свое к ним отношение. Изображая литераторов, Гиппиус уделяет особое внимание их социальному статусу и материальному положению, что было особенно актуально для нее на рубеже веков. Анализ показывает, что среди литераторов, иронически показанных Гиппиус, нет сколько-нибудь авторитетных фигур; по мнению автора статьи, для писательницы такой фигурой был Лев Толстой, который появится под своим именем в ее позднейших произведениях.

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, модернизм, символистская проза, авторские стратегии, декадентство.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина — кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: rykuninay@mail.ru.

Для цитирования: *Рыкунина Ю.А.* «Мир литераторов» в прозе З.Н. Гиппиус и ее авторские стратегии на рубеже веков // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 257–279. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-257-279>

В повестях и рассказах, написанных и опубликованных в 1890-х гг., З.Н. Гиппиус вывела целую галерею писательских типов, чаще всего изображенных с иронией¹. Эти зарисовки, по-видимому, стали своеобразной лабораторией ее будущих критических статей². Войдя в литературу на рубеже 1880–1890-х гг. и начав с «народнических» рассказов, Гиппиус вскоре заняла двойственное положение — литераторы старшего поколения не понимали и не принимали новаторства ее поэзии³ и отказывались ее печатать, вместе с тем, со многими из них у нее складывались не только деловые, но и приятельские (с оттенком отеческого покровительства со стороны старших писателей) отношения⁴. Кроме того, имея, не без основания, репутацию декадентки, — Гиппиус высмеивала декадентов и позиционировала себя как борца с этим модным явлением.

Период рубежа веков, как, впрочем, и последующие годы, прошел для Мережковских под знаком постоянного поиска денежных средств — в данном случае они должны были позволить Дмитрию Сергеевичу целиком погрузиться в творчество, т. е. в написание романной трилогии «Христос и Антихрист»⁵; кроме того, день-

¹ Мы в данном случае не касаемся богатой традиции «романов с ключом», хотя гиппиусовские персонажи-литераторы чаще всего имели конкретных прототипов. Отметим параллель соответствующих мест «Дара» В.В. Набокова, литературного врага и антипода Гиппиус, с некоторыми пародийными фрагментами ее повестей и рассказов. Один из карикатурных персонажей Гиппиус (повесть «Победители», 1898) носит фамилию Линева (ср. в «Даре» критика Линева), при этом он смешивает Канта с Контом (ср. в «Даре» — «бредили кто Кантом, кто Контом»). Однако знакомство Набокова с этой не переиздававшейся повестью Гиппиус представляется маловероятным.

² См.: [11]. Вместе с тем в некоторых позднейших критических статьях Гиппиус содержатся фрагменты художественного характера, похожие на сжатые наброски рассказов: «Когда я думаю о г. Будищеве — он мне представляется акцизным чиновником, загримированным Ницше, на вечеринке в провинциальном, даже уездном, городке. Он дирижирует танцами, а в промежутке между фигурами кадрили — ведет со своей дамой “ужасные” разговоры, психологические, надрывные, “с силой и мощью”. Барышня пугается. Иногда, между речами о величии силы, жизнерадостности, о пленительности могучего зла — у Будищева проскальзывают диалоги о «жалости», такие знакомые, что барышня при всей невинности лепечет: “Ах, да, я читала... про Мармеладова там... это тоже вы написали?”» [4, т. 7, с. 55].

³ См., например, впечатление Ф. Фидлера в октябре 1894 г. от стихотворения «Повышение»: «сомневаюсь, что кто-либо его когда-нибудь напечатает» [31, с. 139].

⁴ См., прежде всего, ее очерк «Благоухание седин». См. также: [17, с. 194–195; 12].

⁵ В воспоминаниях Гиппиус пишет об этом так: «Наш более чем скромный бюджет пополнялся все-таки отдельными работами Д. С—ча в разных местах: в Сев. Вестнике, в Вест. Иностранной Литературы; были, кроме того, его поэмы... Когда же он принялся за “Юлиана” — все это кончилось, и наступила моя очередь; тут-то я и принялась, как умела, за свои романы» [5, с. 70]. О надеждах публикацией романа «Юлиан Отступник» победить бедность («у нас совершенно нет денег!») Мережковские в конце 1894 г. рассказывали Ф. Фидлеру [31, с. 139].

ги были нужны для поездок в страны с теплым климатом в связи с легочными заболеваниями Гиппиус⁶. Гиппиус печатала свою прозу в иллюстрированных журналах, которые «хорошо платили»⁷ и, что важно, были более лояльны к новым течениям в искусстве [21, с. 308–309].

Как отмечает А.И. Рейтблат, «рост гонорарной ставки в конце XIX в. определялся широким распространением и конкуренцией тонких и иллюстрированных журналов <...> и массовых газет <...>, где гонорар нередко был выше, чем в толстых журналах» [21, с. 98]. Рассматривая практики издания и чтения тонких иллюстрированных журналов, социолог литературы, в частности, пишет, что журнал «Живописное обозрение» был рассчитан на среднее чиновничество и богатое купечество. В целом этот род изданий обычно предлагал читателю «экзотический» материал (в частности, исторические романы) [21, с. 103, 107–108]. Известно, что в начале 1890-х Гиппиус действительно напечатала ряд произведений в тонких журналах «Всемирная иллюстрация», «Труд» (приложение к «Всемирной иллюстрации») и «Живописное обозрение»⁸, о редакторе которого А.К. Шеллере-Михайлове она с благодарностью писала в воспоминаниях [5, с. 62, 70]. В еженедельнике «Живописное обозрение» Гиппиус опубликовала повести и рассказы «Детская совесть» (1892. № 3), «Не для себя» (1894. № 44–48), «Как это случилось» (1895. № 23–26), «Мать-мачеха» (1895. № 25, 28) — здесь они соседствовали, например, с повестью «Убийца» английской писательницы Уиды (Мария Луиза Раме), «благонамеренными» иллюстрациями художников В. Табурина и Е. Краснушкиной и др. Более поздние произведения были опубликованы в «толстом» ежемесячном литературном приложении к журналу («Победители», 1898; «Последние желания», 1900). То есть с середины 1890-х, после выхода дебютной книги и начала сотрудничества с «Северным вестником»⁹, собственно в «иллюстрашках» Гиппиус не печаталась. На выбор журналов, таким образом, оказали влияние несколько обстоятельств: «гонорарные» соображения¹⁰,

⁶ О любви Мережковских к заграничным путешествиям, что, наряду с «западничеством», было частью их облика, см.: [27, с. 331–335].

⁷ [17, с. 200]; письмо от 29 июля 1897 г. В нем Гиппиус пишет, что «намеревается поневоле» ограничить свою деятельность «иллюстрашками».

⁸ В этом журнале в 1895 г. была также напечатана новелла Мережковского «Свидание» — отрывок, не вошедший в окончательный текст «Юлиана Отступника»; см.: [28, с. 42].

⁹ О «Северном вестнике», в том числе, в этот период см.: [8].

¹⁰ В 1898 г. Гиппиус рассматривала возможность опубликовать очерк «На берегу Ионического моря» в газете «Новое время» [18, с. 51], где тоже хорошо платили. О литературных гонорах в этот период см.: [21, с. 97–98].

сложные отношения Мережковских с «толстяками»¹¹, а также отношения с А. Вольнским.

В мемуарной книге Гиппиус рассказала историю публикации рассказа «Простая жизнь» в «Вестнике Европы» (№ 7 за 1890 г.; в журнальной версии — «Злосчастливая»): рассказ, как следует из воспоминаний, был подвергнут своего рода «либеральной цензуре» [5, с. 69–70]. Позже она опубликовала в этом журнале рассказы «Одинокий» (1891. № 5), «Ближе к природе» (1893. № 4), «Ненадолго» (1893. № 4) и «В родную семью» (1898. № 3). Однако было очевидно, что среда «либеральных старцев» ей чужда. Вместе с тем, как отмечает Н.А. Богомолов, в 1897 г. Гиппиус с помощью писательницы В.Д. Комаровой, племянницы критика В.В. Стасова, стремилась войти в круг «Вестника Европы» и заручиться поддержкой его редактора М.М. Стасюлевича [17, с. 200–203].

Жизнь вносила коррективы в ее эдизционные стратегии: так, разрыв с журналом «Северный вестник» в 1897 г. заставил искать новые платформы, одной из них на какое-то время стал журнал «Космополис», где Мережковские опубликовали несколько произведений. Показательна переписка Гиппиус с редактором русского отдела этого журнала, Ф.Д. Батюшковым. Так, 7 марта 1898 г. Гиппиус писала ему о своем рассказе «Кабан», желая, очевидно, перевести его в другой контекст. Рассказ «Кабан» (1897) о загадочном происшествии со стариком, превращающимся в кабана, можно воспринимать как произведение о вторжении в повседневную жизнь иррационального, того, что нельзя объяснить с помощью позитивистского научного подхода (носителем его выступает брат героини). Как часто бывало у Гиппиус, рассказ о сверхъестественном ведется от лица ребенка (ср. примыкающую к этому рассказу «Комету» с тем же героем). В письме же Гиппиус затушевывает иррациональное начало, понижая его до уровня простой экзотики: «Были ли вы в Сицилии? Вы бы тогда ни слова не говорили против моего “Кабана”. Здесь каждый вечер — тишина, сумерки, кактусы и кабаны. Кактусы, мясистые и бесконечные, молчат с хитрым видом, кабаны хрюкают, а я думаю о своей повести и только грущу, что вы ее не оценили»¹².

¹¹ В письме П. Перцову от 16 сентября 1897 г. Мережковский писал про Гиппиус: «У нее есть повесть в 4 листа, которую надо пристроить, а это не так-то легко, ибо наши редакции ее боятся» [16, с. 169]. Об отношениях Мережковского с «толстяками», в частности, о провалившейся попытке напечатать «Юлиана Отступника» в «Вестнике Европы», см.: [28, с. 40].

¹² ОР РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 18–19. Рассказ «Кабан» был опубликован в «Третьей книге рассказов» (1902).

Стратегия Гиппиус в 1890-е, т. е. в период до появления первых символистских издательств и периодических изданий, а также постоянных потребителей символистской продукции [21, с. 311], была обусловлена рядом тактических соображений и не сводилась к одной выбранной линии. Она писала «декадентские», по общему признанию, стихи, при этом высмеивала декадентство А.М. Добролюбова и В.В. Гиппиуса, эпизодически печаталась в солидных «либеральных» «толстяках» и не исключала возможности для себя печататься в менее уважаемых изданиях.

Процесс количественного роста и дифференциации читающей публики в конце века внес изменения в статус писателя. Литература больше не была аристократическим занятием, а писатель не воспринимался как пророк. Как отмечает А.И. Рейтблат, новые литераторы — это в основном журналисты [22, с. 27]¹³. Писатель должен был бороться за читателя в условиях конкуренции и искать источники существования, поскольку, даже имея своего читателя, прожить на гонорары было почти невозможно. Мережковские, судя по сохранившейся переписке и воспоминаниям, стремились к тому, чтобы стать профессиональными литераторами, т. е. зарабатывать публикацией своих произведений¹⁴. Статус русских литераторов-модернистов в конце XIX в. к этому не располагал, как не будет — за редкими исключениями — располагать и позже. Мережковскому его положение, в общем, давало право претендовать на определенные дивиденды, но в основном они оказывались символическими.

В начале 1890-х, как отмечает Ю.В. Зобнин, едва ли не основным источником существования Мережковских были беллетристические публикации Гиппиус, а также небольшая денежная помощь отца Дмитрия Сергеевича [7, с. 106]¹⁵. Ситуация несколько меняется после выхода в 1895 г. романа «Юлиан Отступник»¹⁶, имевшего успех у читательской публики (до этого популярностью у читателей пользовалась поэма «Вера», опубликованная в 1890 г.)¹⁷. Но в силу

¹³ Ср. отношение декадента и символиста Вл. Гиппиуса к этой ситуации: «журнал всегда рынок, быть журналистом — всегда быть отчасти лавочником» (РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 208. Л. 20).

¹⁴ Уильям М. Тодд пишет, что профессионал «постоянно занят некоей работой и поддерживает свое существование, получая деньги за ее выполнение, а также подчиняется кодексу этических правил, выработанных элитой определенной профессиональной группы» [29, с. 16].

¹⁵ Ср. приведенную цитату из воспоминаний Гиппиус о вкладах Мережковского писателя в бюджет семьи.

¹⁶ О его публикации в «Северном вестнике» см.: [5, с. 77]; подробно см.: [28].

¹⁷ По данным А.И. Рейтבלата, к широко читавшимся произведениям Мережковского относились книги стихов «Стихотворения» (1888) и «Символы.

объективных причин (испорченные отношения с А. Волинским, невозможность печатать новый роман «Леонардо» в «Северном вестнике») материальные обстоятельства четы Мережковских оставались сложными [7, с. 144]. В этих условиях происходит становление Гиппиус как прозаика: в автобиографической заметке она напишет, что ее влекло к прозе, причем не личной, а «объективной» [4, т. 1, с. 525]¹⁸. Однако в уже цитированном письме к Комаровой она называет себя неспособной к «трезвым» вещам «из плоти и крови» и заявляет, что хочет скорее вернуться к вещам «на пол-аршина от земли» [17, с. 199]. В воспоминаниях же Гиппиус рассказывает о договоренности, согласно которой она должна была писать только прозу, а Дмитрий Сергеевич стихи; сначала из прозы ничего не выходило, а потом ей пришлось, «именно пришлось» приняться за прозу [5, с. 68]. Как кажется, если говорить о ее прозаическом «проекте» рубежа веков, имело место совпадение нескольких векторов: «влечение» к прозе, «коммерческие» соображения, подталкивающие ее к массовой литературе, прокламируемое неприятие крайностей «декадентства», ориентация на традицию Достоевского, с одной стороны, и Тургенева, с другой.

Стремление печататься в толстых журналах, неуклонно теряющих в 1890-е статус главного организатора литературной жизни и, тем более, эстетического ориентира, сочеталось у Гиппиус с объявленной войной позитивизму. Ее первые сборники «Новые люди» (1896) и «Зеркала» (1898), «Третья книга рассказов» — включали рассказы «на пол-аршина от земли», в которых «странные» герои совершают «странные» поступки. Некоторые из этих рассказов, однако, были впервые опубликованы в газетах и либеральных журналах («Одинокий» — «Вестник Европы», «Святая плоть» — «Мир Божий»). Более «приземленными» были рассказы, не включавшиеся в книги; хотя традиционно «толстожурнальная» «Простая жизнь» вошла в сборник «Новые люди», как и рассказ «Мечь», впервые опубликованный в «Русской мысли» под названием «Костино мщение», а повесть «Последние желания», в которой полуяродивый мальчик прозревает тайны бытия, будет напечатана в «Живописном

Стихи» (1892): [21, с. 206, 208]. Произведения Гиппиус в составленный исследователем список произведений, пользовавшихся популярностью, не попали.

¹⁸ Ср. запись Ф. Фидлера от 15 ноября 1893 г.: «Зинаида Николаевна занята повестью из жизни кухарок. Я сказал, что эта область ей, наверное, довольно чужда, но он возразил: «Она тщательно изучает свою тему, ведь она — натуралистка. Она умеет внушить этим людям доверие, и нередко у нас на кухне сидят какие-то кухарки и сообщают ей свои секреты» [31, с. 121].

обозрении» и в сборники не войдет (впрочем, вероятно, из-за размера и некоторой растянутости).

Первые шаги Гиппиус в прозе сопровождались насмешливыми откликами критиков. Так, на страницах «Нового времени» В.П. Буренин высмеивал ее рассказы, причем в вину ей ставились и вычурность и банальность (см: [1, с. 75]). Буренин помещал произведения Гиппиус в контекст «женской» литературы, которой, по его мнению, свойственны томность, манерность и тривиальность. В фельетоне от 26 ноября 1893 г. он издевательски писал о том, что «передовитость», свойственная дамам, проявляется и в беллетристике, и далее пересказывал рассказ «Костино мщение» — «последний предел, до которого дошла беллетристика»¹⁹. А в 1896 г. в фельетоне, посвященном произведениям «творчих» — Гиппиус и Ольги Шапир, критик уверял, что не читает «женских романов», потому что заранее знает, что в них написано. Очаровательные героини «будут сладко томиться и изнывать от любви», «уноситься в грезах под небеса»²⁰. В этой статье он отозвался о гиппиусовской новелле «Златоцвет» как о «претенциозно-наивной пошлости». Б. Глинский в статье «Болезнь или реклама?», написанной под влиянием «Вырождения» М. Нордау, называл ее рассказы детскими и отмечал, что их можно было бы рекомендовать как подарок на елку, если бы писательница не была помешанная²¹.

Скандальность²² была присуща Гиппиус, в первую очередь, как поэту; как поэт, чтец своих стихов, организатор литературной жизни она и завоевала себе к началу XX в. популярность и репутацию «декадентской мадонны». Между тем одно из ее прозаических печатных заявлений можно также назвать и эпатажным и провокативным. Сборнику «Новые люди» было предпослано посвящение А. Волынскому (во 2-м издании 1907 г. оно было снято): «Разными путями можно идти к одной цели. Ваша дорога отлична от моей, оружие, которым Вы боретесь, — иное, но мы идем в сторону, ведем одну войну. И Вы, и я окружены врагами: тем отраднее встретиться друзьям. Дух того, что Вы пишете, близок мне, и я дарю Вам эту книгу — первые ступени к новой красоте, которая дорога нам обоим». Вероятно, это один из самых ярких и неоднозначных примеров позиционирования молодого писателя, выпускающего дебютную

¹⁹ Буренин В.П. Критическое обозрение // Новое время. 1893. 26 ноября. С. 4.

²⁰ Буренин В.П. Критическое обозрение // Новое время. 1896. 15 марта. С. 4.

²¹ См.: Глинский Б. Болезнь или реклама? // Исторический вестник. 1896. № 3. С. 633–636.

²² Об этом литературном феномене см.: [20].

книгу (в названной выше статье Б. Глинского есть издевательский отклик на это посвящение). Первая книга Гиппиус, таким образом, содержит эксплицитно выраженное и при этом несколько эзотерическое (понятное немногим) заявление о цели (новая красота) и о войне как средстве ее достижения. Полемические выпады в ее рассказах и повестях, затрагивающие как «врагов», так и «соратников», могут также рассматриваться как своеобразные военные маневры.

Писательская среда, уже довольно хорошо известная Гиппиус, становится предметом ее изображения и рефлексии. В данном случае нас интересует не столько поиск конкретных прототипов известных литераторов, сколько оценка, которую дает Гиппиус тем или иным явлениям литературного быта, а также различные модели литературной карьеры, воспроизведенные в ее повестях и рассказах. Гиппиус, как она сама отметила в мемуарах [5, с. 75], ко времени знакомства с Волынским и начала сотрудничества с «Северным вестником» бывала в основных литературных салонах Петербурга — в частности, в Литературном обществе и в «закрытом» Шекспировском кружке (о нем см.: [26], ядро кружка составляли известные адвокаты, включая Урусова и Андреевского).

Уже в первом опубликованном рассказе «Злосчастная» («Простая жизнь») мы встречаем комический эпизод с молодым писателем, в котором угадывается Н. Минский²³. Героиня Паша устраивается горничной к «молоденькому» «черноватому» барину и его похожей на девочку жене. Барин встает поздно, после «кофея» запирается в комнате, ходит из угла в угол (сочинителю иначе нельзя), «громко ворчит и руками размахивает», он пишет и выпевает «непонятно» («гул один») и злится, когда ему возвращают непринятые рукописи. Так видит его главная героиня, девушка из простонародья, от лица которой ведется повествование²⁴. В целом же это люди веселые,

²³ См.: [27, с. 338]. Как отмечает исследователь, Гиппиус здесь делает намеки для «посвященных». Об отношениях Гиппиус с Минским см.: [13]. Познакомились они на рубеже 1880–1890-х, а сближение началось в 1891 г. Ю. Зобнин пишет, что в рассказе отразилась «маленькая любовная драма» между Н. Минским и Пашей, горничной Мережковских, и Минский является прототипом обер-кондуктора Николая, отца Пашиного ребенка, женившегося на другой [7, с. 92].

²⁴ Д. Томсон отмечает: «Рассказчики у нее обычно мужчины, точка зрения мужская: когда у нее повествование ведется от женского лица, то это обычно сказ, и рассказчицу невозможно отождествить с автором» [30, с. 42]. По-видимому, исследователь как раз имеет в виду рассказ «Злосчастная». В рассказе 1903 г. «Месса. Переводная картинка» (см.: [25]), в котором религиозные мотивы переплетены с эротическими, рассказ ведется от лица 16-летней дочери итальянского коммерсанта. Первоначальное повествование поспособствовало тому, что многие критики отождествили автора и героиню; их многочисленные отклики содержали осуждение с явным мизогиническим оттенком. Между тем у Гиппиус есть еще один

«бегают по комнатам, ловят друг друга, смеются — точно дети» [4, т. 1, с. 332]. Здесь представлен внешний взгляд на символистов. В дальнейшем Гиппиус будет изображать в основном не близких ей литераторов, а ее зарисовки будут иметь полемический характер, с оттенком то легкой иронии, то сарказма.

В повести «Не для себя» (1894) один из персонажей, женившийся на главной героине, литератор Калинин является писателем-любителем, ему 22 года, он недавно окончил университет. О нем говорится, что он

занимал какое-то место в банке, где было очень мало дела. Но это место давало ему нужные средства. Все свое время Калинин посвящал литературе, которую любил искренно. Он много читал, бывал в литературных кружках и сам писал даже, но почти никогда не печатал. Не потому, что считал свои произведения недостойными печати, но просто боялся и не любил журналов, возню с редакторами... В интимных же кружках охотно читал свои поэмы и стихи и даже пользовался популярностью. Каждой похвале он радовался как дитя; но сейчас же и забывал ее. Он весь был во власти минутного настроения [3, с. 31].

В третьей части повести описан вечер в доме героини, на котором собираются поэты, критики, драматурги, музыканты и студенты. Среди прочих — поэт Линорин с надтреснутым голосом и как будто хроническим насморком; похожий на породистого кота критик Сабурин²⁵, умеющий говорить «злые речи»; нервный поэт «в белых вортоничках», который, задыхаясь от восторга, читает последнее стихотворение и вызывает одобрение [3, с. 61–62]. Разговор вертится на сплетнях, «говорили о плагиате, о том, что Антонович поссорился с философом из-за литературного утра: Антонович читал свою статью, а Ретчер ему мало аплодировал. Поэтесса Гречухина грозит сделать редактору нового журнала “европейский скандал” за неприятие ее поэмы, а газетный рецензент ошибся и похвалил книгу, думая, что автор — его знакомый, а это оказался только однофамилец» [3, с. 63]. Через несколько страниц описывается уже собственно «литературный вечер». Здесь героине «особенно понравился один старый поэт, с умным, значительным лицом и строгими глазами.

рассказ («Люди — братья», 1894), где повествование ведется от лица девушки, но героиня, воспитанница московского пансиона, изображена как более близкая автору.

²⁵ Возможно, «смесь» А.С. Суворина и В.П. Буренина. Об отношениях Гиппиус с Сувориным см.: [18].

Читал он превосходно, но, странно, в голосе у него была какая-то насмешливость, точно он немного презирал тех, кому читал свои стихи. “Ну, слушайте, коли хотите, говорили его глаза, только ведь вы все равно ничего не поймете...” — И точно: ему хлопали, потому что у него была слава, но к стихам отнеслись с недоумением и даже с недовольством» [3, с. 68–69]. Здесь едва ли не единственный случай в ранней прозе Гиппиус, когда в тексте появляется (что важно, эпизодически) пользующийся заслуженной славой (а не «популярностью в интимных кружках», как Калинин) «старый» и при этом талантливый, с точки зрения близкой Гиппиус героини, поэт. Насмешливость и презрительность в голосе при этом как будто противопоставлены задыханию и насморку описанных прежде поэтов.

В рассказе «Голубое небо» (вошел в книгу «Новые люди»), действие которого происходит на Кавказе, один из главных героев — начальник почтово-телеграфного отделения Антон Антонович Зайцев²⁶. Он пишет очерки с названиями «Невозвратное время» и «Розовое видение» и пытается культивировать молодые писательские силы, для чего и устраивает литературный вечер у себя дома. Гиппиус здесь рисует пародийных декадентов, писателей старого образца, поэтов надсоновского направления («читал Ламме убитым голосом что-то о ранней смерти поэта» [4, т. 1, с. 352]), идейных гражданских поэтов («За идею свою / Я как барс постою» [4, т. 1, с. 352]). Позитивист Антон Антонович зачитывает свои очерки, а писательница Манлиева, «черненькая, с круглыми выпуклыми глазами»²⁷, — свои «Размышления над трупом» («пятьдесят четыре страницы разгонистого почерка»). После выступления Антона Антоновича, когда вся публика хлопает, главная героиня Людмила проходит через залу и садится на открытое окно, оставаясь, таким образом, чуждой всем собравшимся. При этом мотив окна заставляет вспомнить знаменитое стихотворение Гиппиус 1893 г. «Песня» («Окно мое высоко над землею...»). Так с помощью одной детали Гиппиус передает свое отношение к банальной прозе, а с помощью всей сцены, не развивая характеры прошедших перед нами типов, обрисовывает сложившуюся в современной литературе ситуацию. В финале рассказа отвергнутый героиней Антон Антонович задумывает, очевидно, посвященную ей новеллу «Развенчанный кумир»

²⁶ Об автобиографической основе рассказа и боржомском прототипе Антона Антоновича см.: [27, с. 337]. О.В. Морозова считает, что прототипом Антона Антоновича, слишком нормального и потому чуждого героине, был А.П. Чехов [11, с. 69–75]. Об отношении Гиппиус к рассказам Чехова см., в частности, в ее письме к нему: [18, с. 21].

²⁷ Ее прототип — боржомская поэтесса Соня Кайтмазова [7, с. 76].

В рассказе «Златоцвет» (1896) литературные споры, диспуты, чтения играют большую роль. Действующие лица в нем — узнаваемые персонажи: Минский (поэт и критик Звягин, служащий в гимназии г-жи Поклевской; до него там преподавал выживший из ума старичок, настоящий писатель), Гиппиус (Валентина Муратова), А.Л. Вольнский (московский профессор Кириллов), З.А. Венгерова (Бонч) (см.: [23]). Явно полемический характер носит пародийный эпизод с двумя юнкерами-декадентами, которые пишут в самом модном духе [4, т. 2, с. 198–199]; а речь Кириллова из первой главки повторяет тезисы статьи А. Вольнского, критиковавшего эстетизм О. Уайльда. Начинается рассказ с описания вечера с чтением реферата в доме генерала Лукашевича, в это общество дамы допускаются лишь изредка (подразумевается, очевидно, Шекспировский кружок). Писателей обсуждают швейцар и лакей, что напоминает о ситуации в рассказе «Злосчастная». Лакей говорит, что писатели «бранятся больше. Слов, конечно, по своему образованию, не говорят, а бранятся важно да нарывают все, знаете, пообиднее, изнутри хватить. Иной позеленеет весь и трясется» [4, т. 2, с. 177]. Сам генерал Лукашевич — дилетант, «имеющий пристрастие к литературе», после отставки он входит в кружок солидных писателей и маститых критиков, а также адвокатов, таких же любителей литературы. В кружок при этом было сложно попасть, но держится он только на энтузиазме генерала, потому что у всех его участников много своих житейских дел. Один из них — поэт Ласткин, состоящий на службе в министерстве, напоминающий чиновника особых поручений и одновременно провинциального танцора, зараженного байронизмом, он переводил с китайского, не смущаясь тем, что не знает языка, книга его называлась «Песни небесной страны» [4, т. 2, с. 179]. Перед рефератом Звягина об Оскаре Уайльде участники кружка обсуждают новое назначение. Является похожий на иностранного щеголя на фоне старинных бояр Павел Викторович Хамрат. После реферата он произносит «антисимволистскую» речь, о которой говорится:

Увы! Как свежая штукатурка, упорно падая, обнажает заслуженные, обветшалые кирпичи — так сквозь каждое, самое горячее, умное слово Павла Викторовича виднелась седая, неподвижная старость, традиции отцов, шестидесятые, даже пятидесятые годы. И жар его — был не молодой, или вечно юный жар, а какой-то неожиданный, запоздавший, как иногда, к удивлению хозяйки, начинает шуметь и кипеть самовар, в котором уже нет воды, да и чаю больше никто не хочет [4, т. 2, с. 185].

Второй узловый эпизод этого литературоцентричного рассказа — описание благотворительного вечера памяти Баратынского. Подготовка его подана с иронией. Устроительница — благотворительная дама, чья связь с литературой заключается в том, что «покойный князь Одоевский» приходится ей «как-то родственником». Она сдружилась с пожилым писателем «хорошей фамилии» Заворским (возможно, подразумевается князь В.П. Мещерский); этот добрый христианин похож на Виктора Гюго за десять лет до смерти — и это досадно: в силу его православных чувств ему лучше было бы походить на кого-то другого. Сама дама председательствует в обществе попечительства «о вечных идиотах и умирающих старухах». Выступать на вечере должны «настоящие литераторы и чтецы, но из приличных», и читать они должны не свое, а из «почтенного, приличного, давно умершего автора, который бы никого не мог шокировать» [4, т. 2, с. 221–222].

Описание этого светского литературного мероприятия изобилует остроумными выпадами. Старомодные старички, разряженные дамы, генералы со звездами. Один из генералов, желая очаровать Муратову («Поэзия и красота живут вместе... Ваши прелестные глаза говорят о поэзии»), хвастается подающим надежды 32-летним сыном-поэтом, чьи стихи напечатаны в программе. На этом же вечере появляется важный персонаж — модный писатель Двоекуров, вызывающий у Муратовой отвращение, смешанное с влечением.

[Он] был молод, но уже умен: он имел чрезвычайно доходное место в банке и, не принадлежа по рождению к высшему кругу, сумел завоевать себе в этом кругу прочные симпатии и убедить всех, что он именно тут на месте. Он писал фельетоны, а иногда и повестушки в самом новейшем духе, самые модные. Место действия в повестях обыкновенно были какие-нибудь фиорды, норвежские леса; сюжет любовно-символический, а фельетоны прямо трактовали о символизме, приводились слова всех добрых знакомых, которые имели несчастье говорить о символизме перед автором, а в заключение оказывалось, что нет большего знатока символизма, чем Двоекуров, только он не хочет сказать сразу все, что знает.

Двоекуров успел побывать во всех местах за границей, рекомендованных современной модой, и очень любил употреблять слова, которые, при случае, можно найти и в Бедекере. Нередко он начинал свой фельетон: «Когда я был в Лондоне, то однажды, в Reading-Hall... или в Krown-Street...» Не гнушался и французскими словами,

хотя признавал, что в истинно высшем обществе «very select» — французских слов уже не употребляется.

Он посещал охотно и салоны актрис, богатых, не слишком талантливых, но с диким напряжением жаждущих славы через газетных репортеров. Он нежился под лучами их каминов, под лстивыми прикосновениями хорошеньких ручек, и легко упархивал опять в большой свет, описывая который, он иногда нечаянно смешивал с впечатлением салона артистки. Но серьезно женщины его не занимали [4, т. 2, с. 228–229].

На наш взгляд, в образе Двоекурова отразились черты писательского облика З.А. Венгеровой (отец ее был директором банка — ср. «доходное место в банке») как автора очерков о западной литературе и символизме: обыгрывается ее западническая ориентация (она посещала Сорбонну, училась в Англии, много писала об английской литературе). Замечание же о том, что «женщины его не занимали», может быть намеком на личные отношения автора с Венгеровой; в целом образ прочитывается как характерная для Гиппиус игра с гендерными ролями²⁸.

Декаденты первой половины 1890-х были заведомо маргиналами, здесь же мы видим успешного и модного литератора-модерниста и одновременно светского журналиста, причем, имея стабильный доход, пишет он, очевидно, не ради денег. Эта фигура как будто предвосхищает позднейших эпигонов символизма 1900-х. Составляющие успеха — потакание моде, т. е. новейшим вкусам публики, как они видятся Гиппиус²⁹ (мистические, любовно-символические сюжеты), удовлетворение любопытства читателя газет, жаждущего сенсаций и сплетен; умение везде быть своим.

О публикационной судьбе романа «Победители» мы знаем из уже цитировавшихся писем Гиппиус к В.Д. Комаровой, а также из писем Мережковского к П.П. Перцову. 29 июля 1897 г. Гиппиус писала Комаровой, что вещь («по дневникам — настоящим — одного студента») уже продана [17, с. 200]. Н.А. Богомолов со ссылкой на письма Мережковского Перцову отмечает, что летом повесть продана еще не была; ее активно пытался пристроить Мережковский [17, с. 202].

²⁸ О позднейших письмах Гиппиус к Венгеровой см., в частности: [2, с. 84–87].

²⁹ Ср. о прошедшей моде на декадентство в рассказе 1899 г. «Слишком ранние», вошедшем в «Третью книгу рассказов» (1902): «А мне тогда жалко было Элима Элимовича: что ему делать, когда декадент сделался невозможным, немодным? Тогда было хоть занятие, хоть кличка... а теперь он просто, без клички, скучает, томится, и нет ему никакого оправдания, никакого ореола» [4, т. 3, с. 42].

Первая часть романа представляет собой дневник учащегося восьмого класса пансиона Юрия Карышева; дневник начинается 1889 годом. В класс незадолго перед этим был переведен Елисеев — юноша «не глупый», начитанный, но странный; он мало с кем общается, читает «Илиаду» и «строит из себя пророка». Впоследствии оказывается, что Елисеев пишет стихи, Карышев характеризует их как «дичь» (сам он тоже пишет стихи: «...Когда бессонными ночами / Ты плачешь о семье родной, — / На небо скорбными очами / Взгляни, — помолимся с тобой!»). Елисеев читает ему новых французских поэтов и объясняет про «звуки» и «музыку», Карышев же отвечает, «что в каждом стихотворении должна быть идея». Елисеев, по мнению протагониста, «молоденький старичок», который не знает, «какое наслаждение чувствовать молодую бодрость в здоровом теле, силу и упругость мускулов»; он проповедует «безнравственность» и при этом ведет с другим студентом, христианином Яшей, беседы о Боге. Карышев, руководствуясь «здравым смыслом», переводится с математического факультета Московского университета в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Сблизившись с Елисеевым (он влюблен в его замужнюю кузину), он по окончании первого курса едет погостить к нему на дачу в Лугу. Во второй части Елисеев развивает свои декадентские теории перед девушкой Нелли, невестой Карышева, богатой наследницей, уговаривая ее покончить с собой «ради красоты, ради гармонии, ради божественной бесцельности, ради вас и ради Бога»; себя он при этом называет «тружеником» и «мучеником», чья работа «побеждать безобразия жизни». Нелли не следует его призыву. В финале романа Елисеев предстает жалким «наркотиком», Карышев же говорит Нелли, что они «истинные победители жизни». В фигуре Елисеева были контаминированы черты Александра Добролюбова и Владимира Гиппиуса, двух известных декадентов, часто воспринимавшихся в неразрывной связи друг с другом [24]. При этом фамилия Елисеев, возможно, отсылает к фамилии другого известного декадента — Александра *Емельянова*-Коханского (настоящая фамилия — Емельянов), автора сборника 1895 г. «Обнаженные нервы» с посвящением «Мне и Египетской царице Клеопатре».

Но помимо главных героев в повести обращает на себя внимание эпизодический персонаж:

Познакомились с дальним родственником Яши. Некто Лиев. Лет ему тридцать пять, холост, живет с мамашей, служит у купцов. Сам высок, ходит развинченной походкой, все лицо в веснушках, небольшая, круглая, рыжая борода. Чрезвычайно много говорит

о литературе и утверждает, что никого не любит так, как студентов. Обворожил всех наших любезностью. Скоро они увлеклись человеком, которого видят в первый раз. Очень довольны знакомством, а я — я должен быть доволен, на то я товарищ... хотя я и не привык водить компанию с приказчиками да «бухгалтерами».

Линев предложил, между прочим, устраивать литературные вечера: чтение и мнения о прочитанном. Это дельно. Посмотрим, что выйдет [4, т. 1, с. 185].

Перед нами снова пародийный устроитель литературной жизни, на этот раз из среды приказчиков. Литература в данном случае предстает как некое почетное и доблестное (с точки зрения героя) поле деятельности, «дядюшка», не принадлежа ни к писателям, ни к студенчеству, считает нужным приобщиться и к тому, и к другому. Однако Гиппиус показывает, как эти либеральные устремления обращаются конфузом:

Ну и отличился наш «дядюшка» — так все наши, кроме меня, зовут Линева. И на первом же литературном вечере! Канта смешал с Контом — и верить не хотел, что ошибается. Но у него оказался Кант, — и я его ткнул носом. А ведь корчит какого знатока литературы и философии! В общем, вечер прошел мило. Много спорили, кто как умел, горячо. «Дядюшка» юлил до чрезвычайности. Его старший брат, женатый, он живет отдельно, совсем из купеческого звания, молчаливый, заросший, обрюзгший. За ужином «дядюшка» вызывал намерение подпоить всех, — почти успел. Кончилось тем, что после разговоров о Тургеневе, Гоголе, Белинском отправились... «Дядюшка» в роли ментора. Он там свой человек. Это по его части. А ведь корчит либерала! [4, т. 1, с. 186].

Итак, чтения, диспуты, заседания кружков, литературные вечера, салоны — вот те «институты», посредством которых Гиппиус показывает современную ей литературную жизнь. Полемический характер подобных фрагментов особенно явно виден в центральном для нее рассказе «Златоцвет» (последыш шестидесятников Хамрат, декаденты, модный и привилегированный Двоекуров). Предметом интереса для Гиппиус были не только литературная и идеологическая составляющие, немаловажное значение, по-видимому, имели социальные амплуа литераторов, а также такой актуальный вопрос, как источник дохода. Писатели, как мы видели, часто состоят на службе. В кружки они, если объединяются, то по внеэстетическим

критериям, границы этих «объединений» размыты и проницаемы. Литераторы, даже если упомянуты изданные ими книги, не показаны через отношения с издателями, да и с читателями. В публичном пространстве могут встречаться, спорить, читать стихи представители разных поколений — и идейные шестидесятники, и студенты, и молодые эстеты. Эkleктичность и пестрота описанного сообщества напоминает о салоне Мережковских (но также, например, и о салоне баронессы Иксуль³⁰), куда были вхожи и декаденты, и поэты старшего поколения. Очевидно, для Гиппиус важно было столкнуться, в том числе в пространстве ее прозы, носителей различных установок.

Когда писатели последней трети XIX в. делали литераторов героями своих повестей и романов, они отчасти пытались оправдать собственный статус профессионального работника пера, не совпадающий с сохраняющимся представлением о высоком предназначении писателя [21, с. 317–329]. Гиппиусовские писатели — либо декаденты, либо любители: чиновники, служащие, аристократы или буржуа, которые не опускаются до поденной работы и не нуждаются в ней. Изображая писателей самого разного толка, Гиппиус почти никому из них не придает черты сколько-нибудь авторитетной фигуры, в ее ранней прозе нет ни одного литератора, который мог бы формировать общественное мнение. Характерно, что в мемуарном очерке о Брюсове «Одержимый» Гиппиус отрицала его роль как создателя новых течений в литературе [4, т. 6, с. 45]. Персонажи, стремящиеся пестовать молодых, выглядят комично. В мемуарном очерке «Благоухание седин» Гиппиус дала оценку литературной ситуации периода ее вступления в литературу: «Старая литература в то время была на кончике. Достоевский, Тургенев³¹, Алексей Толстой умерли; но некоторые, если не столь знаменитые, — все же известные, — “высоко держали знамя” русской литературы: были живы Полонский, Майков, Плещеев, Григорович, Вейнберг... не говоря о других, ныне забытых. — Был, наконец, жив Лев Толстой <...>» [4, т. 6, с. 162].

На наш взгляд, среди писателей-современников авторитетной фигурой для Гиппиус был именно Лев Толстой — несмотря на всю разницу в мировоззрении и творческих методах³². К его произведе-

³⁰ О баронессе В.И. Иксуль см., в частности, в воспоминаниях Гиппиус: [5, с. 59–60].

³¹ Л. Пильд считает, что Гиппиус в прозе тяготела к тургеневской аналитической манере, т. е. к традиции XIX в., а не к новой символистской с ее пафосом преобразования мира и жанровым синтетизмом: [14]; см. также: [15].

³² По мнению О. Матич, взгляды Гиппиус на брак сформировались под влиянием Толстого — причем и как автора «Анны Карениной», и как автора «Крейцеровой сонаты» [9, с. 172]; в этой же монографии см. о восприятии «Крейцеровой сонаты»

ниям, к мыслям о нем она будет так или иначе обращаться, начиная с ранних писем, свидетельствующих о ее интересе к его религиозным трактатам³³, и заканчивая поздними эмигрантскими статьями и рассказами. Впечатления о посещении Мережковскими Толстого в Ясной Поляне в мае 1904 г. отразились (кроме «Благоухания седин») в ее рассказе «Suor Maria. Intermezzo» (1904) и в его эмигрантской вариации «Поездка Андрея» (1931; это слегка измененная глава о поездке главного героя к Толстому); в обоих рассказах Толстой выступает под своим именем. Хотя герой понимает в конце встречи, что Толстой не «учитель», а живой, страдающий человек, само знакомство с ним и его слова обретают в его сознании высокую ценность. В статье 1903 г. «Читаю книги» (Новый путь. № 3) Гиппиус высмеивала антитолстовскую инвективу из «Нижегородского крестного календаря», написанную языком XVII в. («сочинения Толстого суть клоаки, издающие на весь свет смрад лжесловеса и богохульства») [4, т. 7, с. 43]. В 1908 г. Гиппиус резко полемизировала с толстовством в статье «Архип у Толстого», а в статье «Толстой и Плеханов» признавала, что и тот, и другой мыслитель видят лишь половину правды. Пиететом к Толстому отличается некрологическая статья «Слова Толстого» (1910; первоначально прочитано в Религиозно-философском обществе). Гиппиус ценила позднего Толстого. Так, Б. Савинкову, испытавшему серьезное влияние Толстого-романиста, она писала 4 февраля 1912 г.: «Толстой — один из примеров, один из претеч будущего типа настоящих литераторов. Вы скажете, что “Войну и мир” он написал будучи только литератором. Нет; если бы он не ушел в Астапово, он не написал бы и “Войну”, — никогда. Для этого надо было носить в себе эту возможность “уйти” <...> А кроме того, я считаю последние его произведения (лит<ературные>) не ниже, если не выше первых» [19, с. 230]. Наконец, в ее произведениях есть реминисценции из Толстого. Так, в рассказе «Одинокий» переход героя от жизни к ожиданию смерти напоминает эпизоды «Войны и мира», описывающие смерть Андрея Болконского; в рассказе «В гостинной и в людской» (1895) скучающая барыня удивляется, как это она раньше не замечала, что у мужа такие «большие бледные уши»

модернистами. Об отношении Н.С. Лескова к Толстому как к символической фигуре см.: [10].

³³ Так, в письме от 20-х чисел октября 1893 г. она приглашала Вейнберга на чтение распространявшегося в рукописи трактата Толстого «Царство Божие внутри нас», называя эту вещь замечательной: [12, с. 401]. См. также об устроенном Мережковскими чтении рассказа Толстого «Хозяин и работник»: Хирьяков А. Отрывки из воспоминаний: Мережковские // За свободу! (Варшава). 1929. 26 ноября. № 315 (2948). С. 3–4.

(вспомним уши Каренина, как будто впервые замечаемые Анной). В рассказе «Комета» (1897) впечатление мальчика от кометы напоминает умиленное созерцание кометы Пьером Безуховым в «Войне и мире». Сам прием остранения (детский взгляд) также отсылает к Толстому, хотя и служит другим целям. Не исключено, что ироническое описание церковной службы в рассказе «Подслушанные слова» (1912) было вдохновлено знаменитым «литургическим» эпизодом романа «Воскресение». Можно найти и другие примеры, но в данном случае исследование проблемы «Гиппиус и Толстой» не входит в наши задачи.

Если говорить о том, была ли успешна стратегия писательницы на рубеже веков, то, очевидно, таковой она была лишь отчасти. Гиппиус обратила на себя внимание критиков, получила скандальную известность, поучаствовала чуть ли не во всех заметных и важных начинаниях³⁴. Однако ориентация на предшествующую традицию в сочетании со смелыми декларациями новизны — в плане читательского успеха, по-видимому, себя не оправдали.

Литература

1. Андрущенко Е.А. «Вместо листьев [...] копчёные селёдки»: ранний символизм в публикациях «Нового времени» // Prasa w rosyjskim procesie historycznoliterackim: publik. nauk. / Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej; Uniwersytet Warszawski; pod red. naukową M. Latkowskiej. Warszawa: IKS: UW, 2017. Т. 1. С. 73–84.
2. Багно В.Е. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // Русская литература. 1998. № 1. С. 84–87.
3. Гиппиус З.Н. Последние желания: Повести. Рассказы. Очерки / сост., примеч. М.В. Гехтмана и Т.В. Прокопова. М.: Интелвак, 2006. 704 с.
4. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: [в 15 т.]. М.: Русская книга, 2001–2013.
5. Гиппиус-Мережковская З.Н. Собрание сочинений. Т. 16 (дополнительный): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа / предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 592 с.
6. Гиппиус З.Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002. 592 с.
7. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 435 с.
8. Курьяновский П.В. «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. 200 с.

³⁴ Любопытные и крайне резкие наблюдения об отношении Мережковских к внешнему успеху сделала М. Шагинян, входившая, как известно, на протяжении нескольких лет в их ближний круг. В воспоминаниях «Человек и время. История человеческого становления» она написала об их «неприкрашенной» зависти «к славе, к высоте гонораров, к положению в народе»; в частности, по мнению мемуаристки, так относились Мережковские к Леониду Андрееву [32, т. 1, с. 359].

9. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.

10. Мовнина Н.С. Авторская стратегия в рассказе Н.С. Лескова «По поводу “Крейцеровой сонаты”» // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 77–82.

11. Морозова О.В. Рассказ как форма критики: к вопросу о литературной репутации А.П. Чехова // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 2. С. 69–75.

12. Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом (1893–1906) / вступ. ст., примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подгот. текстов А.В. Сыроевой, С.В. Сапожкова // Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 398–441.

13. Переписка З.Н. Гиппиус с Н.М. Минским (1891–1912) / вступ. ст., примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подгот. текстов А.В. Сыроевой, С.В. Сапожкова // Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 108–398.

14. Пильд Л. Зинаида Гиппиус и Тургенев // URL: <https://ruthenia.ru/document/533815.html> (дата обращения: 31.08.2020).

15. Пильд Л. Н.С. Лесков в оценке Мережковских // <https://ruthenia.ru/document/397033.html> (дата обращения: 31.08.2020).

16. Письма Д.С. Мережковского к П. Перцову / вступ. заметка, публикация и примеч. М.Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.

17. Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / публикация Н.А. Богомолова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 191–231.

18. Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 17–108.

19. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., составление, подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 448 с.

20. Рейтблат А.И. К социологии литературного скандала // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 161–182.

21. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

22. Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.

23. Рыкунина Ю.А. «Златоцвет» Зинаиды Гиппиус: материалы к комментарию // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2017. № 2. С. 122–140.

24. Рыкунина Ю. «Не преступи чрез мой порог...». Из комментария к «забытому» роману З.Н. Гиппиус // http://sites.utoronto.ca/tsq/36/tsq36_rykunina.pdf (дата обращения: 31.08.2020)

25. Рыкунина Ю.А. «Это была шутка»: об одной скандальной публикации З.Н. Гиппиус в «Северных цветах» // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 250–269.

26. Сапожков С.В. К истории «Шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге (по новым материалам) // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: Сб. научных и публицистических статей, посвященных памяти профессора А.П. Ауэра. Коломна, 2017. Вып. II. С. 207–217.

27. Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. Т. 1. С. 319–373.

28. *Соболев А.Л.* Мережковский в работе над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 31–50.
29. *Тодд У.М.* Социология литературы: идеология, институты, нарратив / пер. с англ. СПб.: Библио Россики; Бостон: Academic Studies Press, 2020. 349 с.
30. *Томсон Д.* Мужское “Я” в творчестве Зинаиды Гиппиус: литературный прием или психологическая потребность? // Преображение. М., 1996. № 4. С. 138–149.
31. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с. («Россия в мемуарах»).
32. *Шагинян М.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1986.

Research Article

“The World of Writers” in Z.N. Gippius’s Prose Works and Her Strategies at the Turn of the Century

© 2021. Yulia A. Rykunina

Moscow, Russia

Abstract: The paper discusses Z.N. Gippius’s formation as a prose writer. Her position in literature was ambivalent: she published her prose in “thick” magazines, was a friend of some old generation writers and at the same time was associated with decadence and new directions in literature. It was important for her to get support of respectable writers and at the same time she criticized their outdated positivistic world perception from her modernist point of view. She also published her prose in thin illustrated magazines just to provide the Merezhkovskys’ financial position. All of these items are reflected in her letters of this period and as well in her prose, in which she represented various types of writers and showed her attitude to them. The analyses reveals that among the writers that were ironically shown by Gippius there were no authoritative figures; to the author’s opinion, for Gippius such figure was Leo Tolstoy, who would appear in her prose under his own name.

Keywords: Zinaida Gippius, modernism, symbolist prose, author's strategies, decadence.

Information about the author: Yulia A. Rykunina – PhD in Philology, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: rykuninay@mail.ru.

For citation: Rykunina, Yu.A. “The World of Writers” in Z.N. Gippius’s Prose Works and Her Strategies at the Turn of the Century. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 257–279. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-257-279>

References

1. Andrushchenko, E.A. “Vместo list'ev [...] kopchenye seledki’: rannii simbolizm v publikatsiakh ‘Novogo vremeni.’” [“Instead of Leaves [...] Smoked Herrings’: Early Symbolism in Publications of ‘Novoe Vremia.’”] *Prasa w rosyjskim procesie historycznoliterackim: publik. nauk.*, vol. 1, pod red. naukową M. Latkowskiej. Warszawa, IKS, UW, 2017, pp. 73–84. (In Russ.)
2. Bagno, V.Ye. “Krasnyi’ tsikl pisem Zinaidy Gippius k Zinaide Vengerovoi” [“Red’ Series of Zinaida Gippius’s Letters to Zinaida Vengerova”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1998, pp. 84–87. (In Russ.)
3. Gippius, Z.N. *Poslednie zhelaniia: Povesti. Rasskazy. Ocherki* [The Last Desires: Short Novels. Short Stories. Essays], comp., comm. by M.V. Gekhtman and T.V. Prokopov. Moscow, Intelvak Publ., 2006. 704 p. (In Russ.)
4. Gippius-Merezhkovskaia, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001–2013.
5. Gippius-Merezhkovskaia, Z.N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 16 (additional): On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego zhizn', ego rabota [He and We: Dmitry Merezhkovsky. His Life, His Work], introd., ed. and comm. by R.A. Gorodnitsky and A.I. Serkov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)
6. Gippius, Z.N. *Chego ne bylo i chto bylo. Neizvestnaia proza (1926–1930 gg.)* [What Was Not and What Was. Unknown Prose (1926–1930)], comp., introd., comm. by A.N. Nikol'yukin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002. 592 p. (In Russ.)
7. Zobnin, Iu.V. *Dmitrii Merezhkovskii: Zhizn' i deianiia* [Dmitry Merezhkovsky: Life and Acts]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 435 p. (In Russ.)
8. Kupriianovskii, P.V. “Ogliadyvaius' na proshloe...”: zhurnal “Severnyi vestnik” 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiia [“Looking Back on the Past...”: the Journal “Severny Vestnik” in 1890s and Its Literary Position]. Voronezh, 2009. 200 p. (In Russ.)
9. Matich, O. *Eroticheskaiia utopiia: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: New Religious Consciousness and Fin de Siecle in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 396 p. (In Russ.)
10. Movnina, N.S. “Avtorskaia strategiia v rasskaze N.S. Leskova ‘Po povodu ‘Kreitzerovoi sonaty.’” [“The Author’s Strategy in Nikolai Leskov’s Story ‘Concerning the Kreutzer Sonata.’”]. *Mir russkogo slova*, no. 3, 2018, pp. 77–82. (In Russ.)
11. Morozova, O.V. “Rasskaz kak forma kritiki: k voprosu o literaturnoi reputatsii A.P. Chekhova” [“Short Story as a Form of Criticism: on A.P. Chekhov’s Literary Reputation”]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 154, book 2, 2012, pp. 69–75. (In Russ.)
12. “Perepiska Z.N. Gippius s P.I. Veinbergom (1893–1906)” [“Correspondence of Zinaida Gippius and P.I. Veinberg (1893–1906)”], introd. and comm. by S.V. Sapozhkov, comp. and text prep. by A.V. Sysoeva and S.V. Sapozhkov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 106: Epistoliarne nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 398–441. (In Russ.)
13. “Perepiska Z.N. Gippius s N.M. Minskim (1891–1912)” [“Correspondence of Zinaida Gippius and N.M. Minsky (1891–1912)”], introd. and comm. by S.V. Sapozhkov, comp. and text prep. by A.V. Sysoeva and S.V. Sapozhkov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 106: Epistoliarne nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 108–398. (In Russ.)
14. Pil'd, L. “Zinaida Gippius i Turgenev” [“Zinaida Gippius and Turgenev”]. Available at: <https://ruthenia.ru/document/533815.html> (Accessed 31 August 2020). (In Russ.)

15. Pil'd, L. "N.S. Leskov v otsenke Merezhkovskikh" ["N.S. Leskov in the Merezhkovskys' evaluation"]. Available at: <https://ruthenia.ru/document/397033.html> (Accessed 31 August 2020). (In Russ.)
16. "Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P. Pertsovu" ["Merezhkovsky's Letters to P. Pertsov"], introd., text prep., notes by M.Yu. Koreneva. *Russkaia Literatura*, no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)
17. "Pis'ma Zinaidy Gippius k V.D. Komarovi" ["Zinaida Gippius's Letters to V.D. Komarova"], introd., publ. and comm. by N.A. Bogomolov. *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina [In Memoriam: Historical Collection in Memory of A.I. Dobkin]*. St. Petersburg, Paris, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 191–231. (In Russ.)
18. "Pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k A.S. Suvorinu (1891–1911)" ["Z.N. Gippius's and D.S. Merezhkovsky's Letters to A.S. Suvorin"], ed., introd. and comm. by N.A. Bogomolov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: Epistoliamoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 17–108. (In Russ.)
19. "Revoliutsionnoe khristovstvo": Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu ["Revolutionary Christianity": *The Merezhkovskys' Letters to Boris Savinkov*], introd., text prep., comm. by Ye.I. Goncharova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
20. Reitblat, A.I. "K sotsiologii literaturnogo skandala" ["On the Sociology of Literary Scandal"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 161–182. (In Russ.)
21. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury [From Bova to Balmont and Other Works on Sociology of Russian Literature]*. Moscow, Novoe lteraturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
22. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury [To Write Across: Articles on Biographics, Sociology and History of Literature]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 415 p. (In Russ.)
23. Rykunina, Iu.A. "Zlatotsvet' Zinaidy Gippius: materialy k kommentariiu" ["Zinaida Gippius's 'Zlatotsvet': Materials for a Commentary"]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia"*, no. 2, 2017, pp. 122–140. (In Russ.)
24. Rykunina, Iu. "'Ne prestupi chrez moi porog...'. Iz kommentariia k 'zabytomu' romanu Z.N. Gippius" ["Don't cross my threshold'. From the Commentary on Z.N. Gippius's 'Forgotten' Novel"]. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/36/tsq36_rykunina.pdf. (Accessed 31 August 2020). (In Russ.)
25. Rykunina, Iu.A. "'Eto byla shutka': ob odnoi skandal'noi publikatsii Z.N. Gippius v 'Severnykh tsvetakh.'" ["'It Was a Joke': On Zinaida Gippius's Scandalous Publication in 'Severnye Tsvety'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 250–269. (In Russ.)
26. Sapozhkov, S.V. "K istorii 'Shekspirovskogo kruzhka' v Sankt-Peterburge (po novym materialam)" ["On the History of 'Shakespeare Circle' in St. Petersburg (Based on New Materials)"]. *Voprosy filologii i prepodavaniia filologicheskikh distsiplin: Sbornik nauchnykh i publitsisticheskikh statei, posviashchennykh pamiati professora A.P. Auera [Issues of Philology and Teaching Philological Disciplines: A Collection of Scientific and Publicist Papers in Memory of professor A.P. Auer]*, issue II. Kolomna, 2017, pp. 207–217. (In Russ.)
27. Sobolev, A.L. "Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908)" ["The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)"]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh [Faces: Biographical Almanac]*, vol. 1. Moscow–St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 319–373. (In Russ.)

28. Sobolev, A.L. “Merezhkovskii v rabote nad romanom ‘Smert’ bogov. Iulian Otstupnik’.” [“Merezhkovsky Working on the Novel ‘Death of the Gods. Julian the Apostate’.”]. *D.S. Merezhkovskii: mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: *Thought and Word*]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 31–50. (In Russ.)

29. Todd, W.M. *Sotsiologiia literatury: ideologiia, instituty, narrativ* [*Sociology of Literature: Ideology, Institutes, Narrative*], transl. by A.D. Stepanov. St. Petersburg, Biblio Rossika Publ., Boston, Academic Studies Press, 2020. 349 p. (In Russ.)

30. Tomson, D. “Muzhskoe ‘Ia’ v tvorchestve Zinaidy Gippius: literaturnyi priem ili psikhologicheskaiia potrebnost'?” [“The Male ‘I’ in Zinaida Gippius’s Works: Literary Technique or Psychological Necessity?”]. *Preobrazhenie*, no. 4, 1996, pp. 138–149. (In Russ.)

31. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia* [*From the World of Writers: Characters and Judgments*], prep. by K.M. Azadovsky. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 864 p. (In Russ.)

32. Shaginian, M. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [*Collected Works: in 9 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1986. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.12.2020

Одобрена после рецензирования: 02.02.2021

Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 02.12.2020

Approved after reviewing: 02.02.2021

Date of publication: 25.06.2021